

Дарья Андриянова

Девятка

«АСТ»

Андрянова Д. М.

Девятка / Д. М. Андрянова — «АСТ»,

Все эти загробные миры, вечный покой, единение с богом... Я ждал этого. Ждал смерти всю жизнь, рассчитывая получить освобождение или хотя бы успокоение. Наивно полагал, что смерть – конец пути. Как же я ошибался. Ведь оказалось, это самое начало моей истории...

© Андрянова Д. М.

© АСТ

Глава 1

Вот маленький факт. Когда-нибудь вы умрете.

Маркус Зусак – «Книжный вор».

Я умер в подвале. Сначала я не понял этого – решил, что потерял сознание. Вокруг темнота, но глаза хорошо различают стену, о которую я шмякнулся головой при неудачном падении. Ничего не болит. Да я и не успел почувствовать боль – все произошло быстро. На стене пятно крови. Оно выглядит так, будто плеснули вином из кубка. Вниз стекают тонкие дорожки, к неестественно согнутому телу. Ноги лежат прямо, а голова вместе с туловищем – на боку, спиной к стене, оставляя небольшое расстояние между бедрами и полом. Не знаю, сколько я пролежал, но мне противно смотреть на это.

Какая-то крыса отгрызла половину уха. Впрочем, зачем оно мне теперь? Его облепили мухи, одна заползла внутрь. Глаза закатились под верхние веки, кончиком касается пола выпавший изо рта язык. В нечесаной густой бороде остались сухие крошки хлеба. Неужели я всегда был таким уродом?

Я умер в бегах. Кто бы мог подумать, сначала бегство лишило меня свободы, а затем и убило. Но только теперь, стоя над телом, я понял одну простую истину – не мог я быть свободным при жизни. Все законы, чужие мнения, которые волновали меня перед рабством – все это больше не имеет значения. Я больше не часть Алкедна.

В подвале оказался надсмотрщик. Он прошел сквозь меня и с озадаченным видом остановился над телом. Наверное, он нашел, какого раба не досчитывался в последние дни. Его взгляд метнулся к винным бочкам, затем снова к телу. Ага, вот, значит, зачем он ходит в подвал. Будь я сейчас жив, побежал бы доносить. Но вряд ли бы меня кто-нибудь послушал.

Надсмотрщик присел на корточки, зажимая ноздри пальцами, вторая рука медленно тянулась к моей голове. Осторожно коснувшись слипшихся и затвердевших от крови волос, он быстро освободил лоб от каштановых прядей. Нашему взору предстало клеймо. Моя рука сама потянулась к новому, призрачному лбу. В страхе я провел по нему кончиками пальцев, едва касаясь кожи. Лоб гладкий, как будто и не было никакого клейма.

Надсмотрщик сидит надо мной с задумчивым видом. Кажется, будто он на что-то решается, но я не уверен. Если подумать, ему надо сообщить о смерти одного раба. За это его выстегают. Но есть другой вариант – поступить так, как поступил бы я. Бежать, бежать из этого кошмара. Для него это простая задача. Несмотря на низкую цену, он владеет большей свободой воли, чем владел я. На его лбу другое клеймо – квадрат, четыре пересеченные линии. На моем – девять.

Самое сложное – решиться. Убегающих называют трусами, но я считаю это суждение несправедливым. Трус тот, кто терпит, кто боится бежать. Заставить себя практически не возможно, если помнить, что будет ждать после поимки. Но если думать о том, что обретешь при успехе – страх уйдет.

Кажется, надсмотрщик принял какое-то решение. Он подошел к винному бочонку, вытащил затычку. Чтобы хлебнуть, ему пришлось садиться на пол и наклонять бочку к себе. Делал он это с чрезвычайной осторожностью. Капля вина на одежду – и его четверка превратится в пятерку. Обратной дороги уже не будет.

Кадык трижды опускался и поднимался, когда он делал шумные глотки. Осторожно вернув бочку в начальное положение, он отер рот ладонью и повернулся к моему телу.

Немного постояв, надсмотрщик пробежался взглядом по трупу и, взяв за ноги, оттащил от стены. Я зажмурился, когда пробитая голова звонко шлепнулась на пол. Брезгливо, работая растопыренными длинными пальцами, надсмотрщик стащил с меня штаны и внимательно осмотрел их со всех сторон. Колени стерты до дыр, но видимо, надсмотрщик решил, что их еще могут носить рабы, и аккуратно сложил. Не знаю, сколько людей до меня таскало это тряпье. Когда мне его выдали, оно воняло чужим потом.

Следующее – непонятного желто-коричневого цвета балахон, испачканный на спине моей кровью. Когда надсмотрщик его снял, я увидел шрамы, оставленные плетью. Длинные, розовато-белые полосы поврежденной кожи. Каждый удар заставлял работать упорнее, через боль, через усталость.

Но теперь я свободен.

Я встаю на мыски – пятки легко отрываются от пола. Не приходится даже подпрыгивать, чтобы оказаться в полете. Я завис в воздухе, на расстоянии примерно в кулак от пола. Мой лоб уже скрылся в потолке и, возможно, торчит на первом этаже поместья. Я пытаюсь двигаться, но тело слишком легкое, чтобы привычных сокращений мышц. Тогда я вспоминаю забавы младшей сестры. Она любила рассказывать байки про выходы из тела. В детстве она все уши прожужжала, что ночами, когда она ложится спать, на одной только воле поднимается и парит над собственным телом. Вспоминая это, я попытался представить, что поднимаюсь над потолком. Но то ли у меня воображение плохое, то ли выдумки сестры действительно оказались выдумками. Я решил сделать иначе. *Я захотел* подняться, захотел почувствовать, как голова проходит через толстый пол первого этажа. И у меня получилось.

Призрачное тело медленно поднималось. Я закрыл глаза, боясь, что в них может что-то попасть – хотя позже понял, что страх этот напрасен.

Я набрал скорость, пронесся сквозь потолок на первый этаж и увидел поварику в пожелтевшем фартуке, которая тащила на спине толстый мешок с продуктами. А поварику меня не увидела. Я смело полетел по белоснежному коридору. Мне за это не влетит, меня не побьют, даже не увидят. Я спокойно пролетал сквозь встречающих людей. Пнул в зад своего хозяина – он даже не заметил.

Тесный домик стоял далеко от особняка. И пусть снаружи он облицован гранитом, чтобы не портить вид, внутри неотшлифованные деревянные стены, из которых я частенько получал занозы. На полу, покрытом небрежно разбросанной соломой, лежали мои товарищи – восьмерки и девятки. Они спали. Мы всегда спали, когда нас не заставляли работать. В тарелке недоеденная каша. Нас... теперь правильнее будет говорить «их», всегда будут кормить сытно и плотно. На вкус – полное дерьмо, но это только поначалу. Со временем перестаешь обращать на вкус внимание, еда служит источником энергии.

Мысленно попрощавшись со старыми товарищами, я вылетел через потолок, снова жмурясь. Взору открылось большое имение хозяина. Даже отсюда трудно разглядеть край. За огромными полями начинается лес, за лесом – город. А вот город хозяину не принадлежит.

Пролетая над лесом, я набрал скорость и снизился настолько, что ступни проходили сквозь верхушки деревьев. Лес сменился маленьким желтым городом. Я спустился к базару и пролетел мимо ряда рабов с разными клеймами. Восьмерки и девятки – крепкие, стояли спокойно. Им как будто бы и все равно, что их продают.

Когда я стоял здесь же, мне было не все равно. Я стеснялся своего положения в обществе. Стеснялся я и того, как продавец описывал меня хозяину. Он назвал меня трусом. Разница между мной и ими огромна. Я стал рабом, они – родились. Это можно понять по спокойной раскрепощенности, по взгляду, который не бежит от человека к человеку, боясь увидеть нового хозяина, а полон холодного равнодушия.

Я снова взлетаю. Город становится маленьким, умещается на ладони. Я даже могу сжать его в кулак, и мне смешно от этого. Он все отдаляется и отдаляется, постепенно становясь маленьким желто-коричневым пятнышком в центре зеленого леса. И вот вокруг меня белое непроглядное облако. Начинает казаться, будто бы я не поднимаюсь, а камнем падаю вниз.

Вылетев из облака, я оказался отнюдь не в чистом небе. Вокруг большое белое пространство. Здесь нет стен, пола и потолков. Тут пустота. Неужели это и есть завершающий этап умирания? Я разочаровался, но рано.

Вокруг меня точно так же поднимаются души. Мы переглядываемся, рассматриваем друг друга. Каждый – в чем мать родила, разного пола и возраста. Мы не стесняемся, а только ожидаем, что же произойдет дальше.

За временем здесь уследить невозможно. Я не знаю, сколько проторчал в том белом пространстве, но мне это надоело, и я полетел наугад. Верх это был или низ, право или лево – понять невозможно. Даже некоторые души висят в пространстве вниз головой. Или вниз головой лечу я? В конечном итоге мой полет все же принес результат.

Я встал в очередь. В начале стоит человек. Он задает какие-то вопросы, отсюда не слышно. Затем берет запястье души, тонкую кисть с чернилами, пишет что-то на запястье и отпускает. Я сказал «человек», а не «душа», потому что он сильно отличается от нас. По крайней мере, у него есть одежда – длинный белый балахон, скрывающий щиколотки. А еще у него есть чернила, которыми он пишет на запястьях душ.

Очередь приближается, а я так и не слышу, о чем говорит человек. Рот открывается, но звука нет. Зато мне прекрасно слышны ответы душ. Они называют имя, фамилию, должность. И все. Иногда человек задумывается, прежде чем сделать запись на запястье, иногда пропускает быстро. По крайней мере, он висит в пространстве головой вверх, значит, я тоже.

Иногда, когда раздумье затягивается, душа называет еще и причину смерти. Вот это интересно послушать. Одного затоптала насмерть лошадь, другого задушила жена, третий неудачно поплавал в море. К своему удивлению я заметил, что все говорят на моем языке. Значит, здесь проходят очередь жители Виелдара. Наверное, в разных уголках этого пространства есть разные люди с чернилами, чтобы очередь не получалась бесконечной. А может, этот человек говорит только на виелдарском.

Очередь подошла. Теперь перед этим человеком стою я. Его рот открылся – я приготовился услышать голос. И он раздался в моей голове. Спокойный, холодный, равнодушный. Такой голос бывает у людей, которые десятками лет работают на одной и той же работе.

– Добро пожаловать в сортировочную систему загробных миров, – произнес он. Его спокойный взгляд с ледяными неестественно-синими глазами зафиксирован на моем лице. – Чтобы начать сортировку, назовите, пожалуйста, свое имя и фамилию.

– Нидртон, – произнес я тихо. – Ниортон де ля Карто.

Я отвык называть эту фамилию. Я давно не избалованный сын графа, который любил выходить в город просто так – посмотреть реакцию на себя.

Лицо человека осталось невозмутимым.

– Должность, – услышал я в голове, когда он открыл рот.

Я поджал губы. Нет, я привык к своему положению в обществе. Я не привык называть свое имя и фамилию вместе с должностью. Таких, как я, обычно зовут по количеству полосок на клейме. К слову, девяткой я стал не так давно.

– Девятка, – глухо произнес я.

Интересно, а душа может побледнеть? Если да, то, скорее всего, сейчас я сливаюсь цветом с окружающим пространством.

Человек не спешит подписывать мое запястье. Он смотрит в мои глаза и совсем не мигает. Прочитать эмоции по такому лицу совершенно невозможно, оно ничего не выражает. Человек застыл. Он стал похож на статую с утонченными чертами лица.

Молчание длится не слишком долго. Он даже не спрашивает причину смерти. Тонкая кисть опускается в чернильницу, парящую в пространстве, затем касается моего запястья. Прохладная и влажная. Я умер недавно, но уже отвык от привычных ощущений температур.

Я опускаю взгляд к руке и резко распахиваю веки. На запястье написана цифра девять.

– Проходите на следующий этап распределения, – прозвучал холодный голос в голове.

Спрашивать страшно. Я никуда не прохожу, а стою на месте, пялясь на новую девятку на теле. Перевожу взгляд на человека и вздрагиваю – он улыбается.

– Это ваш номер в очереди.

Я не сразу понимаю, что он сказал. Душа позади меня начала тихо ворчать. Номер в очереди – какая для них ерунда. Для меня это девятка. Девятка, которая на теле.

– А можно вопрос? – неуверенно спрашиваю я.

Человек молчит, продолжая сверлить мои глаза ледяным взглядом. Я все же решаюсь спросить.

– Почему ваш голос звучит в голове?

Душа позади замолчала. Видимо, ей тоже интересно узнать ответ.

– Я немой, – отвечает он.

Душа позади, конечно, ответа не услышала.

Я пролетаю дальше. Похоже, он и правда обычный человек. Если у меня исчезло клеймо, если затянулись шрамы после плеток, у него должен был исцелиться голос. Если он мертвый. А может ли случиться так, что я говорил с ангелом? Я улыбаюсь этой мысли и поворачиваюсь еще раз взглянуть на человека. Он уже не смотрит на меня, а принимает следующую душу. Никаких крыльев за спиной я не вижу. Интересно, узнаю ли я когда-нибудь его тайну?

Впереди вижу дверь, зависшую в пространстве. Рядом стоят души, и еще один ангел-человек. К слову, пусть лицо у него и другое, они все равно одинаковые. Такой же холодный взгляд и застывшая мимика. Он тоже не моргает, смотрит на приближающегося меня совсем неподвижно.

– Руку, – говорит он. По крайней мере, это не голос в голове, и то лучше.

Он посмотрел на цифру моего запястья. Я же смотреть туда не стал, чтобы еще сильнее себя не травмировать. Здесь я не раб, здесь не девятка.

– Девятка, – произносит человек, а я вздрагиваю.

Он видит мою реакцию и тоже улыбается. Наверное, я слишком смешно отзываюсь на эту цифру, что заставляю каменные лица пошевелиться.

– Ваша дверь дальше.

На языке завертелся простой вопрос «почему?», но в этот раз я не решился его задать. Попытка разглядеть, что написано на чужих запястьях, ничего не дала. И все же у этих душ, почему-то, одна очередь, а у меня – другая. Может, это входы в те самые загробные миры, про которые говорил первый человек? Мне сестренка что-то говорила про это. Какие-то души перерождаются в тела младенцев, продолжая путь в Алкеоне, а какие-то становятся частью великого всего. Правда, я никогда не верил в подобное.

Следующая дверь оказалась рядом, просто я ее не сразу заметил – белая поверхность сливалась с пространством. Тут же стоит душа, и с ней человек в длинном белом балахоне и с каменным лицом. Если честно, я уже подустал от этих бесконечных очередей и перелетов. Если мне и сейчас скажут идти дальше, то я останусь здесь в знак протеста. Пусть знают, что их система распределения не очень нравится душам.

– Девятка, – произнес человек, глядя в мои глаза. В этот раз я не вздрогнул, уже был заранее подготовлен. – Когда я скажу, можете входить в дверь. Там вам объяснят дальнейшие действия.

Я устало лег в пространстве, рассматривая душу девушки. Она волновалась, наматывала на палец черные кудри и смотрела то на человека, то на дверь. Я решил попробовать с ней заговорить.

– Привет, давно здесь? – спросил я, повернувшись в пространстве к ней затылком и чуть прогнувшись, чтобы она видела мои глаза. Борода неудобно перекинулась на лицо, я ее отодвинул.

– Не знаю, – сказала душа и грустно опустила взгляд в бесконечность.

– Как это, ты не знаешь? Как можно не знать, долго ли ты ждешь или нет? – спросил я, переворачиваясь на живот и подкладывая руки под подбородок, как будто они на что-то опираются.

– Здесь другое время. Ангел мне объяснял, но я так ничего и не поняла.

– Ангел? – спросил я, поворачиваясь к человеку.

– Ангел-сопроводитель, – уточнил он. – И вовсе не человек, как вам могло показаться.

Думаю, я покраснел. Хотя не уверен, что души могут краснеть. Но в любом случае, будь в моем призрачном теле кровь, она бы сейчас ударила в щеки и уши.

– Могут, – сказал ангел.

– Что могут? – не понял я, а сам мысленно удивился, что этот ангел оказался более разговорчивым. Выходит, они все же не одинаковые.

– Души могут краснеть, – объяснил ангел. – И вы ошибаетесь, мы одинаковые.

Интересно, каким образом он читает мои мысли? В прочем, это не важно. Ангел есть ангел, в любом случае, у него больше возможностей, чем у обычного человека.

– Им можно задавать любые вопросы, – говорит душа. – Они ответят на все, на что в праве ответить. Для этого они здесь и стоят.

– А, вот оно как, – говорю я и снова краснею.

Выходит, те предыдущие ангелы улыбались, потому что знали, как меня пугает цифра девять. Может быть, они специально издевались, произнося это число, вырисовывая его на моем запястье?

– Нет, – сказал ангел. – Ангелы не издеваются. Ангелы проверяют.

Глава 2

Эта мысль – украденный цветок,

просто рифма ей не повредит:

человек совсем не одинок –

кто-нибудь всегда за ним следит.

Игорь Губерман – «Гарики на каждый день»

Но мне казалось, что они издеваются. Девушку с номером восемь вскоре позвали, но из двери не выходил седьмой. Я остался наедине с ангелом-сопроводителем, не снимающим маску с каменного лица. Как странно – когда я получил возможность получить ответы на все вопросы, голова тут же опустела. В попытках поймать какую-нибудь мысль, абсолютно любую, я замечал, что мыслей становится все меньше и меньше. Потом они пропали совсем, и я погрузился в какой-то транс.

Я нагло смотрел на ангела, что считалось неприличным в Алкеоне. А он – на меня. Первая мысль, которая образовалась у меня в голове, была такой: «Наверное, он тоже находится в постоянном безмыслии. Нет, не он. Все они».

– Да, – согласился с моей мыслью ангел.

Я вздрогнул. Не привык, что кто-то читает мысли.

– А это... Почему я иду в эту дверь, а в ту, другую, идет толпа? – неуверенно спросил я, переставая глазеть на ангела.

– Эта – для рабов, – ответил он равнодушно.

Вот так. Оказывается, в загробных мирах тоже есть разделение по кастам. Я уж было подумал, что смогу побыть самим собой, что больше не придется чувствовать себя ниже других.

– Ты будешь собой, – ответил ангел. – Будешь. Именно для этого рабы идут отдельно.

Я поменял положение в пространстве и теперь как будто стоял на невидимом полу. Наверное, для рабов у них отдельный мир. Такой, где их не будут презирать и относиться как к дерьму.

– Да. Для рабов другой мир, – ответил ангел. – Там рабы будут собой.

– Собой... – эхом повторил я.

Здесь я еще меньшая песчинка, чем в Алкеоне. Да что там, в Алкеоне, даже если смотреть с точки зрения страны. Виелдар – государство маленькое, но у меня даже там не было имени. Только цифра. Сначала единица, потом двойка, тройка... девятка. Что может быть хуже? Думаю, даже десятку нести легче. Потому что ее нести и не приходится – получившие десятку живут от силы два часа.

Поэтому девяток считают самыми смиренными, поэтому они самые дорогие. Потому что ни одна разумная девятка не возьмется сбежать. Каждая девятка боится накосячить, всегда выполняет работу правильно и к сроку. Но я не в их числе. Даже став девяткой, я посмел бежать. И все-таки умер. Но это оказалось не так страшно, как я думал при жизни.

– Девятка, – сказал ангел, а я опять вздрогнул.

И этот ангел, подобно предыдущим, улыбнулся моей реакции.

– Можешь проходить внутрь, – продолжая слегка улыбаться, одними уголками губ, сказал он.

Я подлетел к двери. Сначала посмотрел, что находится позади нее, и убедился – там пустота. Затем я открыл дверь. За ней был и пол, и стены, и потолок, обшитые светлым деревом. За дальним столом, в грудe бумаг, сидела девушка-ангел. Она отличалась от тех, что я видел прежде. Ее лицо не казалось каменным.

Я шагнул в комнату, дверь за спиной закрылась сама. Наверное, это ангел с обратной стороны ее закрыл. Теперь я чувствую себя живым – ноги стоят на осязаемом полу, тело больше не кажется призрачным.

– Садись, – сказала девушка-ангел и указала рукой на удлиненный стол, за которым уже сидели двое.

Два ангела. Один похож на предыдущих, а другой отличается черным балахоном и мягкими чертами лица. Между ними свободный стул, куда я и сел. С непривычки меня немножко пошатывало, удержать равновесие после долгого витания в бесконечном пространстве оказалось трудной задачей. Тело неведомой мне силой тянуло вниз так, что ноги подгибались.

– Привыкнешь, – сказала девушка, со звонким шлепком бросая на стол толстую тетрадь и вставая с места.

Я напрягся. Ее острые черты лица, тонкие ярко-красные губы, искривленные в хищной улыбке, горящие непонятным мне азартом глаза – все настораживало. Она обошла стол и остановилась передо мной.

– Я – ангел-судья, – представилась она, беря мою руку ледяными пальцами и резко переворачивая, чтобы увидеть цифру на запястье. – Девятка, значит. На суде адвокатами станут твои ангел-хранитель, что справа от тебя, и черт-искуситель – слева.

Я повернулся к парню с приятным лицом. Сейчас оно было серьезным, брови сведены к переносице. Так значит, эти двое были со мной всю жизнь. Я, оказывается, был не одинок – за мной всегда приглядывали.

– Значит так, – сказала девушка, поворачиваясь к нам спиной и проходя до своего стола. Она подняла толстую тетрадь, быстро пролистала ее и открыла на последней странице. – Ты умер в бегах. Первое обвинение – трусость, а это уже повод отправить его в Ньяд. Уважаемые адвокаты, у вас есть, что сказать в оправдание?

Я замолчал, глядя на ангела-хранителя. Тот в свою очередь смотрел на черта-искусителя, а он – на ангела-судью.

– Это я подбил его на побег, – тихо, но уверенно сказал черт-искуситель. – Я искусил четверку выпить хозяйского вина, а затем выкрал ключи, которыми он обычно запирает восемь мерок и девяток.

– Хорошо, – раздраженно прорычала судья, быстро листая увесистую тетрадку.

Я удивленно смотрел на черта. Раньше мне казалось, что они созданы как раз для того, чтобы сделать человеку хуже после смерти. А он еще и защищает – как странно.

Ангелу-судье, видимо, надоело листать тетрадку. Она положила ее на стол разворотом вниз и быстрым шагом подошла к столу. Она уперлась в него прямыми руками и наклонилась к моему лицу.

– Ты родился рабом? – спросила она, криво улыбаясь едко-алыми губами.

Для меня это большая тема, но, думаю, лучше не тянуть с ответом.

– Нет, – выдохнул я. – Я сын графа де ля Карто.

Ангел-судья сдвинула ярко-черные брови к переносице. Какое-то время она смотрела на меня неподвижно, ритмично постукивая длинными ногтями по столу.

– Отлично, и как же ты стал единицей? – спросила она.

– Это вышло... случайно, – задумчиво ответил я. – Отец не отдал мою младшую сестру замуж за графа Тарниола. Он владеет небольшой землей на севере. И тот донес, якобы я домогался до его сестры, – я поджал губы, вспоминая, что чувствовал в тот момент. – На следующий же день меня без всякого суда клеймили и отправили в армию.

– В армию, значит, – слащаво-ядовитым голосом сказала ангел-судья. – Обращаюсь к уважаемым адвокатам. Почему он сбежал с поля боя, тем самым заработав второе клеймо?

Ангел-хранитель спокойно поднял холодные глаза.

– Я оберегал его от опасности, – вкрадчивым голосом отвечал он. – Армия врага превосходила их армию. Выжил только он, и то благодаря побегу.

– Вот как, значит, – сказала судья, начав расхаживать взад-вперед возле нашего стола. – А как вы объясните тот факт, что, став дворником, он много ленился, оставляя улицы грязными? А сам в это время тихонько просиживал в кабаках, скрывая под отращённой челкой двойное клеймо?

Я покраснел, надувшись шариком на своем стуле. Адвокаты смотрели на меня, ожидая, что я объясню поведение. Но оправданий я не нашел. Когда молчание затянулось, опять вмешалась судья.

– Вы оба, – девушка презрительно посмотрела на моих защитников, – знали, какой суд ждет его после смерти. И, тем не менее, позволили сидеть ему в кабаке вместо работы. Жду ваших объяснений, уважаемые.

Защитники продолжали молчать, глядя на меня. Я переводил взгляд с одного на другого, и мне показалось, что их глаза умоляют меня ответить. Но мне действительно нечего сказать – я правда ленился.

– Значит, объяснительную положите на стол. Пишите сразу на имя Бога, а он уже решит, что с вами делать. Думаю, – девушка улыбнулась шире, обнажая белые зубки, голос садистски повеселел, – хранителем и искусителем вы больше не будете.

Они зеркально кивнули, а я повесил нос. Теперь, когда я понимаю, что всю жизнь за меня кто-то нес ответственность, мне становится стыдно. Из-за моей лени те, кто оберегал меня, те, кто всегда был рядом, попали в неприятное положение.

– Ниортан де ля Карто, – вдруг обратилась ко мне ангел-судья. – Решение – Ньяд.

– Протестую! – воскликнул черт-искуситель.

Он встал со стула, опираясь вытянутыми руками с тонкими изящными пальцами на стол.

– И в чем же заключается ваш протест, уважаемый? – спросила она, цепляясь большими пальцами за маленькие кармашки белого балахона.

– Его нельзя отправлять в Ньяд, – мягким голосом объяснял черт. – Вспомните, кем он был раньше.

Девушка вернулась к своему столу и присела на далеко отодвинутый стул. Перевернув тетрадь, она подперла ладонью подбородок. Глаза забегали по тексту, челюсть напряглась. Задумчиво ангел-судья пролистала несколько страниц, уголок губ нервно дернулся.

– Я... не могу принять решение, – сказала она, с шумным выдохом закрывая толстую тетрадь.

– Опять... – протянул ангел-хранитель, закатывая глаза.

Черт сел.

– Да, опять! – прикрикнула она. – Распределение – очень ответственный шаг! Если я ошибусь, он будет мучиться целую вечность.

«Она едва начала работать судьей, – раздался голос черта в моей голове. – Вот и выпендривается, пытаясь скрыть неуверенность».

Я посмотрел на искусителя – тот ободряюще улыбался. Да уж, не так я представлял чертов. Думал, они – маленькие злые уродцы, которые только и желают зла своим подопечным. А я еще и плевался в него.

– Открываю, – сказала судья дрожащим голосом.

Хранитель поджал губы.

Девушка зажмурилась и протянула руку вперед. В воздухе с резким хлопком появилась белоснежная дверь. Судья стояла перед ней, казалось, как будто даже и боится. Она медленно подняла руку, приложила костяшки пальцев к поверхности и коротко стукнула два раза.

– Что, опять? – послышался бархатный голос с той стороны.

– Да, – выдохнула судья.

– Хорошо. Я приму.

Дверь исчезла с тем же хлопком. Девушка отпрянула, закрывая руками лицо. Я не видел ничего страшного в этом исчезновении двери, скорее, мне казалось странным поведение судьи. Даже хранитель и искуситель улыбались, наблюдая за этим.

– Ладно, теперь наша очередь, – сказал ангел, поднимаясь со стула.

Он протянул руку вперед, и тут же с хлопком появилась еще одна дверь. В этот раз не белая, а грязно-зеленая, какой бывает вода в некоторых морях.

– Входи, – сказал хранитель.

Я неуверенно поднялся, продолжая поглядывать на хранителя с искусителем, и, взявшись за прохладную бронзовую ручку, потянул дверь на себя.

Кто-то толкнул меня в спину, и я стремительно полетел вниз, видя под собой небольшой островок в необъятном зеленом океане. Островок стремительно приближался, и я понял, что разобьюсь. Но меня с двух сторон подхватили искуситель и хранитель. Черт слева, ангел справа. Они плавно поставили меня на белый прохладный песок.

Хранитель оттянул вперед мою бороду так, что за ней потянулась и голова. Искуситель длинными черными ножницами за один «чик» отрезал ее и кинул в воду. Ангел осторожно повернул мою голову под каким-то непонятным углом, подбородком к черту. Тот осторожно, не задевая кожу, стал отстригать остатки коричневых курчавых волос на подбородке. Волосы летели во все стороны, рукава искусителя покрылись ими. Я несколько раз чихал, когда они попадали ко мне в нос.

– Где мы? – спросил я.

В этом месте пустота ощущалась кожей. Островок, покрытый белым холодным песком, омываемым слабыми зелеными волнами океана, оказался маленьким, всего по пять шагов в обе стороны.

– Там, где мы с чертом сидели всю твою жизнь, – холодно ответил ангел, подставляя острое лезвие к моей щеке и соскабливая щетину.

– В твоем внутреннем мире, – дополнил черт, бросая ножницы в океан.

– Но почему здесь так пусто? – с недоумением спросил я, задирая голову, чтобы ангелу было легче брить подбородок.

– Это мы у тебя должны спрашивать, почему в твоем внутреннем мире столько воды, – ответил черт, усаживаясь на песок.

Мне не казалось это правдой. Я всегда считал свой внутренний мир богатым и красивым, представлял яркие цветущие деревья, множество необычных существ, олицетворяющих мои безумные мысли. А здесь оказалось пусто. Вода – вот, оказывается, чем всю жизнь я был наполнен! А этот островок – единственная действительно живая часть меня.

Подул холодный ветер, поднимая волны в океане. Я поежился, вода обрызгивала тело.

– Хватит, – сказал черт. – Ты сейчас остаток суши затопишь своими мыслями.

– Что, мои мысли – просто вода? – удивился я.

– Да, – говорил ангел. – Любые мысли – вода. Суша – когда мыслей нет.

– Когда ты родился, твой внутренний мир был огромной пустыней, – продолжал черт.

– Мы с ангелом бродили по ней первые месяцы твоей жизни. А потом пошел первый дождь. Годы шли, дождь то лил, создавая мелкие озера и реки, то прекращался. Озера расширялись в моря, моря соединялись, становясь океанами. Под конец твоей жизни нам приходилось делить незатопленный островок оставшейся суши. С каждым днем, когда возобновлялись дожди, ты оставлял нам все меньше простора. Мы боялись, что однажды ты затопишь весь мир.

– Выходит, вы жили в моем внутреннем мире? Вдвоем?

– Да, – отвечал ангел. – Ты никогда не был одинок. Всю твою жизнь, начиная с зачатия, мы были рядом. И теперь, когда ты умер, мы продолжаем защищать тебя. Но скоро тебе придется действовать самостоятельно.

– То есть, вы покинете мой внутренний мир? И куда же вы пойдете? – спросил я, глядя в зеленую воду.

Странно видеть свое отражение без бороды и клейма. Квадратный подбородок открылся взгляду. Теперь даже голове стало, борода не тянула ее вниз.

– Пойдем оберегать и искушать следующего человека, – сказал ангел, становясь справа от меня и кладя руку на мое плечо.

– Приглядишься, – сказал черт. – Это вода – твои мысли. Именно благодаря ей мы за тобой приглядывали. К слову, пока этой воды не было, ты был почти беззащитен. Мы даже не знали, что с тобой происходит.

Я пригляделся. В воде действительно плавала моя жизнь, мои мотивы и мысли. Всегда внутри меня сидели те, кто знал меня не хуже, чем я сам. Всегда кто-то волновался за меня, за мои ошибки, за мои неосторожные действия. А я-то считал себя не понятым всеми, никому ненужным изгоем.

– Все верно, – говорил ангел. – Для нас люди – как для вас дети. Вырастить и отпустить.

– Но что же ждет меня дальше? Вы так и не рассказали.

Черт подошел слева и, подобно ангелу, положил руку на мое плечо. В зеленой воде мы сплывались в одно целое – черное, белое и я посередине.

– Дальше тебя ждет либо Рьяд, либо Ньяд, – сказал черт.

– Это я и так слышал. Но кто это решит? – спросил я, продолжая наблюдать, как в воде плавают мелкие рыбки. Оказывается, мой внутренний мир все же населен. – Судья ведь не смогла сделать выбор.

– Это решит Бог, – ответил ангел.

– Бог? – переспросил я, не поверив ушам.

– Да, ты будешь говорить с Богом, – продолжал черт. – И нас рядом не будет. Мы даже не сможем сидеть в твоём внутреннем мире, ведь разговор с Богом должен проходить с глазу на глаз.

– И как я должен себя вести? – спросил я, чувствуя нарастающую панику.

– Главное быть вежливым и искренним, – отвечал искуситель, отпуская мое плечо. – Не вздумай лстить, он это сразу почувствует. Говори только тогда, когда тебя спрашивают. Так будет лучше. И не просись в Рьяд – Бог сам решит, где тебе место. Он больше всего не любит, когда его поучают или пытаются навязать свое мнение.

Я поджал губы. Подул холодный ветер, раздувая спутанные каштановые волосы. Стайки рыбок в воде стремительно расплывались в разные стороны, а сама вода отступила от берегов, рискуя обрушиться на остров ледяной волной. Я воду не трогал – просто знал, что она ледяная. Все же это мой внутренний мир, здесь я – бог.

– Только не вздумай мыслить подобным образом при Боге, – сказал черт, мягко улыбаясь.
– Он не терпит конкурентов.

– Конкурентов? Чтобы с ним конкурировать, нужно быть либо безумцем, либо глупцом.

– Поверь, – сказал ангел, выставляя руку вперед – появилась еще одна дверь, – таких в загробных мирах хватает.

Хранитель открыл новую дверь и вынул оттуда длинный серый балахон. Такой же, как у ангела и черта, отличимый только по цвету.

– Надень, – сказал ангел, протягивая балахон мне. – Теперь ты всегда его будешь носить.

Я с радостью принял одежду и тут же облачился в нее. После старого рабского тряпья, пропахшего потом, этот балахон выглядел как одежда богатых графов. Хотя на деле я понимал, что мой отец ни за что не надел бы подобное.

– Пора, – сказал черт, подхватывая меня за левую подмышку. За правую подхватил ангел, и мы мягко взлетели. Мое тело стало таким же тяжелым, как и при жизни, поэтому летать самостоятельно я больше не мог. Хотя внешне почти ничего не изменилось. Единственное отличие – отсутствие бороды и клейма.

В зале суда взад-вперед расхаживала ангел-судья, нервно поглядывая на дверь, ведущую, как я догадался, к Богу.

– Все, пусть заходит! – сказала судья, махнув рукой на дверь. – Хватит капать мне на нервы!

Она открыла дверь. Черты лица сразу смягчились – она нежно улыбалась, глядя в проход, чуть-чуть прикрыла глаза, как будто получая удовольствие.

– Где же душа? – раздался бархатный голос изнутри.

Я подошел ко входу. На большой мягкой кровати сидел Бог.

Глава 3

Мы для богов, что мухи для мальчишек, себе в забаву дают нас они.

Олдос Хаксли – «О дивный новый мир»

Рядом с кроватью на столике из вазы на длинной резной ножке свисал зеленый виноград. Морщинистая рука подхватила средним и указательным пальцами одну виноградину, закинула в рот.

– Садись, Ниортан, я не кусаюсь, – Бог кивнул на мягкое белое кресло, обшитое золотыми нитями.

Тело глубоко погрузилось его в поверхность. Я уже много лет не сидел на чем-то мягком. Спина давно отвыкла от спинок, поэтому я держал ее ровно, а не откидывался.

– Можешь ничего не бояться, – говорил Бог. – Хочешь виноград? – он взял вазочку за тонкую ножку и протянул мне.

Я неуверенно мотнул головой, хотя понимал – на самом деле, хочу. Я не ел винограда больше двадцати лет.

– Значит, ты у нас граф, – сказал Бог. – Почти что граф. Я прав?

– Нет, – выдавил я.

Бог сдвинул брови к переносице.

– Запомни навсегда, – голос прозвучал строго, даже немного предостерегающе, – я всегда прав. Даже если я не прав, я все равно прав.

Я кивнул, не совсем понимая, что он имеет в виду. Бог вздохнул и разочарованно опустил голову.

– Со временем ты поймешь, Ниортон. И все же, ты почти граф. Сын де ля Карто, знаешь ли ты, что твои братья и сестра трагически погибли задолго до тебя?

Я вздернул голову. Бог не сводил с меня глаз.

– До смерти ты был единственным наследником. И твой хозяин прекрасно это знал, вот и добавил девятую полоску к твоему клейму. Для надежности, скажем так.

Даже восьмерки не имеют право на наследство. Любое их имущество переходит во власть хозяина. Скорее всего, он клеймил меня в девятый раз для того, чтобы я точно не посмел сбежать.

Но я, вспоминая слова черта, смолчал. Лучше не говорить, когда не задают вопросов.

– У тебя были прекрасные хранитель с искусителем, – сказал Бог, покосившись на запертую дверь – единственную дверь в комнате. – Очень жаль, что из-за тебя придется их немножко понизить в должности.

– Почему?.. – посмел я спросить.

Мне действительно жаль тех двоих, они, оказывается, многое для меня сделали.

– Почему понизить? Они не справились с работой. Ты не должен был умереть так рано, но ты умер. Ты не дожил до положенной смерти четыре дня.

Четыре дня! То есть, если бы я не упал, я бы все равно вскоре умер! Стоило ли мне тогда сбежать, стоило ли рисковать жизнью? А может, все было так подстроено, чтобы меня поймали и поставили десятое клеймо? Это приравнивается к смерти, тогда бы я умер десяткой.

– Да, твои хранитель и искуситель все неплохо продумали, чтобы выполнить план к сроку. Но вот неудача – тебя занесло в подвал, где одна нога случайно запнулась о другую, и ты полетел в злополучную стену.

– Значит, они подстроили мою смерть? Они хотели меня убить?! – я не верил ушам. Ангел и черт казались мне добрыми и надежными после общения в моем внутреннем мире.

– Ну, что ты такое говоришь? – Бог мягко улыбнулся и закинул в рот следующую виноградину. Медленно ее пережевывая, он лег на кровать, как будто я и не сидел рядом. – Они не хотели тебя убивать. Они были обязаны это сделать.

Я удивленно раскрыл рот, а Бог, тем временем, прожевывая очередную виноградину, продолжал, даже не глядя в мою сторону:

– Я принял решение. Ты отправишься в Ньяд.

Я хотел запротестовать, но вспомнил слова черта. Лучше молчать. Может, он просто меня проверяет, ждет реакцию.

– Думаю, ты должен кое-что об этом знать. Длинна суток в Ньяде шестнадцать часов. Следовательно, ты не будешь успевать делать все то, что успевал в Алкеоне. Если ты будешь трагить по восемь часов на сон ежедневно, у тебя останется еще восемь. Вычти час на еду, час на свободное время – остается пять. Еще час вычти за личную гигиену и туалет. От дел в Алкеоне часто отвлекает пустое общение – так что вычитай еще час из рабочего времени. Естественно, смысла работать по три часа в день нет никакого. Поэтому в Ньяде создан особый график, по которому ты и будешь жить оставшуюся вечность. Поначалу тебе будет непросто. Но другие привыкают – ты тоже привыкнешь. Только нужно сделать кое-что, что не будет отличать тебя от прочих жителей Ньяда.

Бог сладко потянулся, зевнул и сел на кровати. Он выдвинул большим пальцами ног пушистые тапки из-под кровати, просунул в них ступни и встал. Ростом он оказался ниже меня на полторы головы. Это выглядит забавно, если помнить, что передо мной стоит сам Бог.

– Пойдем, – он указал подбородком на дверь и стал ждать, что я выйду первым.

Я вышел, ожидая увидеть хранителя с искусителем и судью, но это оказалось другое помещение. Передо мной стоял тяжелый деревянный стул, увешанный кожаными ремешками. В остальном комната оказалась абсолютно пустой. Нет, стены, пол и потолок тут, конечно же, были, но на этом все и заканчивалось.

– Садись, – велел Бог.

Я послушно уселся на неудобный стул. В прочем, к неудобствам я уже давно привык, хотя здесь, в этом сортировочном мире (я не уверен, что все еще нахожусь в нем), на время мне пришлось забыть о положении в обществе.

Но когда Бог туго пристегнул ремнями тело, когда я понял, что совсем не могу двигаться, до меня дошло: раб не может быть бывшим.

Теплая рука Бога легла на лоб.

– Единица, – сказал он.

Я закричал. Эту боль мне приносили девять раз. А теперь – десятый. Мой новый лоб больше не гладкий, на нем – одна полоска.

– Проступок, – сказал Бог. – Все люди однажды оступаются, но каждому дают шанс на исправление. Первая полоска – свободные люди, которым нужно только доказать свою преданность стране.

Это не правда. Никакого проступка я не совершал. Меня подставили.

– Двойка, – лоб снова зажгло.

Мое тело дернулось, но ремни крепко прижимали меня к жесткой поверхности стула. Две линии на лбу пересеклись, создавая прямой угол.

– Оступившийся дважды все еще имеет шанс. Он может жениться, завести семью, владеть имуществом и работать на низкооплачиваемой работе. Но ты, даже получив в знак предупреждения вторую полоску, доказал, что не согласен жить по людским законам.

Не было мне дела до женщин и денег. Я уставал на работе настолько, что, придя домой, валялся с ног, запихав в себя сухую булку. Поэтому я и ленился, поэтому и отлынивал от работы. Ну, по крайней мере, казалось, что я устаю.

– Тройка, – третья линия создала квадрат без дна. – Тройки еще могут вырваться в люди. Они продолжают работать на государство, могут жениться, но права на собственность у них нет. Тройки должны вести себя смиренно, чтобы окончательно не лишиться свободы.

Тройкам платят меньше, чем двойкам. О кабаках я больше и не думал – мне стало не на что жить. Я питался, как мог. А когда появлялась малейшая возможность, я ее не терял и воровал еду и деньги.

– Четверка, – теперь на моем лбу полноценный квадрат. То, чего боится каждый свободный человек. – Это окно, через которое нужно смотреть в прошлое и обдумывать проступки и преступления. С этого момента человек теряет возможность обзавестись семьей. Таких людей продают частным собственникам для личного использования.

Наверное, у меня слишком мягкое сердце, но людей я бить не мог, будь они хоть восьмерками, хоть девятками. Из-за моей доброты начался бунт, из-за чего я и получил линию, пересекающую квадрат.

– Пятерка. Ты все еще пытаешься смотреть в окно, но перед глазами встала рама, которая закрывает вид. Ты видишь жизнь своего хозяина и должен обдумывать, чего лишился, чего бы мог добиться, будь у тебя свобода. Ты должен раскаиваться, и не в пятом промахе, а в первом.

Я убил одну восьмерку, когда тот напал на меня. И в пятом «промахе» я действительно раскаиваюсь, ведь убивать никого я не собирался. Это вышло случайно, а я как раз нес ответственность за жизни восьмерок и девяток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.